

ВТОРОЙ ЛИСТЬ ГАЗЕТЫ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4483.

Воскресенье, 13^{-го} Декабря, 1898 г.

№ 4483.

Какъ статскій совѣтникъ Бергманъ нанялъ сеѧ слуу.

Альфреда Хеденстерьна.

(Переводъ съ шведскаго).

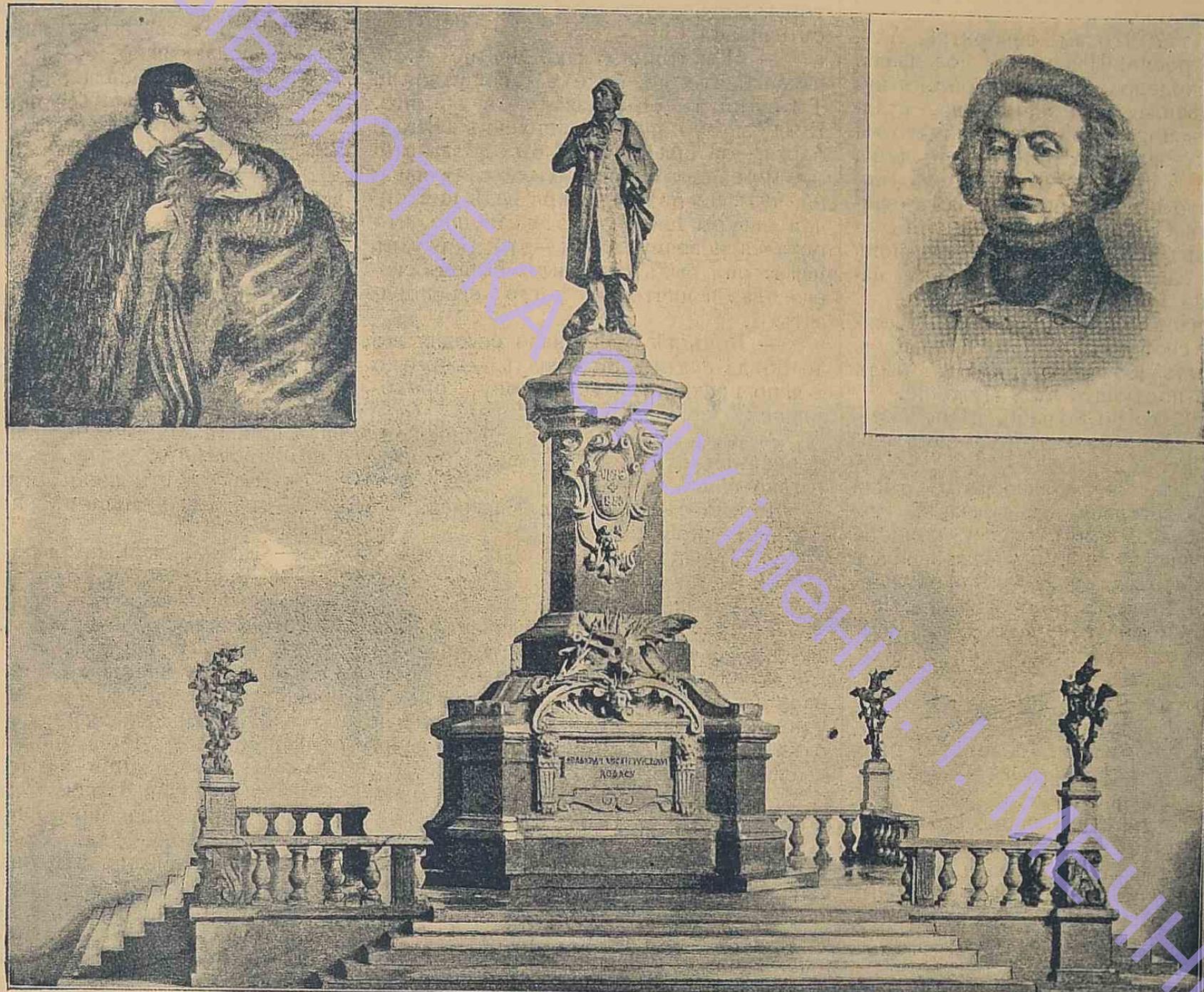
Благословеніе Господне сопровождало всѣ предпріятія Бергмановъ, такъ что у нихъ подъ конецъ скопилось по-

ихъ семья состояла изъ сына, дѣльнаго, прекраснаго молодого человѣка, который почти самостоительно велъ отцовскія дѣла, и двухъ хорошенъкіхъ, высокихъ дочекъ, немногимъ старше двадцати лѣтъ; обѣ были здоровы, свѣжі и благоухали, какъ только что испеченные сдобныя булки.

Въ одинъ прекрасный день господинъ Бергманъ, по заключеніи годового баланса, увидѣлъ, что за годъ полу-

стоящему положенію вещей мѣры, чтобы разъ навсегда, самимъ рѣшительнымъ образомъ выдѣлиться изъ всѣхъ остальныхъ обитателей Страндгольма.

— Я знаю, что надо! — послѣ долгаго размышенія воскликнула госпожа статская совѣтница. Она пошла за газетой и слегка дрожащимъ голосомъ стала читать: «По случаю смерти хозяина опытный и умѣлый человѣкъ ищетъ мѣста въ благородномъ семействѣ

Адамъ Мицкевичъ во время пребыванія въ Крыму.

ПАМЯТНИКЪ АДАМУ МИЦКЕВИЧУ въ Варшавѣ, открытый 12-го декабря 1898 г.

Адамъ Мицкевичъ.

лумиліонное состояніе, а въ началѣ своего жизненнаго поприща оба они, какъ самъ хозяинъ, такъ и госпожа Бергманъ, были бѣдными ребятишками, бѣгавшими въ разодранныхъ башмаченкахъ и отнюдь не увѣренными, что каждый день будутъ сыты.

чиль 63,711 марокъ 55 пфенниговъ барыша. По этому случаю за обѣдомъ послали Христину въ подвалъ за бутылкой шампанскаго, а за кофеемъ господинъ и госпожа Бергманъ единогласно признали крайнюю необходимость немедленно принять соотвѣтствующія на-

ствѣ. Имѣть хорошія рекомендациіи, одну изъ графскаго дома, гдѣ прослужилъ одиннадцать лѣтъ. Хорошо знать сервировку. Просить адресовать предложенія въ Эспенродѣ, до востребованія, «Надежному».

— Вотъ кого надо нанять, Іоганнъ!

— воскликнула госпожа статская советница.

— Гм—да! ужъ это, дѣйствительно, бросится въ носъ здѣшнему люду,—ответилъ папа.

— И какъ стильно! Ему надо будетъ сшить красиую ливрею,—сказали барышни.

— А въ свободное время онъ можетъ помочь въ упаковочной,—замѣтилъ молодой Бергманъ.

Полчаса спустя вся семья сидѣла и писала: барышни просили редакціи модныхъ журналовъ свѣтлый о ливреяхъ, Бергманъ-юніор требовалъ у торговыхъ домовъ прѣсы-куранты пуговицъ, галуновъ и т. п., а самъ папа строчилъ „Надежному“ въ Эспенродъ.

Одна мама не писала, но зато пошла прогуляться и поболтать съ женой начальника станціи.

— Дорогая моя, въ нашемъ дому скоро произойдетъ большая перемѣна,—говорила она.

— Нѣтъ? что вы говорите! Ахъ, какъ интересно! Извините, моя милая, мнѣ необходимо сѣять домой къ мужу,—отвѣтила жена начальника станціи и такъ покраснѣла, какъ будто ей подъ юбку залетѣла ракета. Но мужа она увидѣла только часа черезъ три, потому что прежде обѣжала всѣхъ знакомыхъ въ Страндгольмѣ и вѣдѣ объявляла: „Одна изъ дочерей Бергмановъ выходитъ замужъ. Мнѣ сама мать напекнула на это!“

Къ счастью, оказалось, что „Надежный“ еще свободенъ и за какихъ-нибудь несчастныхъ 400 кронъ въ годъ былъ согласенъ поступить въ услугеніе.

— Ну, это не больше, чѣмъ получаетъ у насъ бухгалтеръ,—замѣтилъ Бергманъ-отецъ.

Когда „Надежный“ явился въ Страндгольмъ и справился на вокзалѣ, гдѣ дому статского советника и коммерсанта Бергмана, вѣсъ прогуливавшіяся на дебаркадерѣ дамы стали подталкивать другъ друга въ бокъ и шептаться.

— Посмотрите, вонъ прѣѣхалъ отецъ жениха, чтобы самому заранѣе все разузнать.

— Но отчего же на станціи нѣтъ никого изъ Бергмановъ?

— Но, моя милая, говорять, что это сасѣдъ, совсѣмъ сасѣдъ,—замѣтила жена начальника станціи.

Немного спустя, у парадного подъѣзда Бергмановъ раздался звонокъ; отперла сама фрѣйленъ Луиза и, увидѣвъ передъ собой пожилого, благообразнаго и очень наряднаго господина въ цилиндрѣ съ сѣдыми баками, очень мило присѣла и спросила:

— Кого имѣю честь?...

— Не такъ торжественно, дитя мое... Намъ вѣдѣ придется вмѣстѣ служить. Должите господамъ, что прѣѣхалъ Йонсонъ, „Надежный“, и дѣйствительно потрапѣлъ фрѣйленъ Луизу по щекѣ.

— Мамаша, Йонсъ, т. е. господинъ Йонсонъ прѣѣхалъ!—совершенно смущившись, крикнула фрѣйленъ Луиза.

Хотя мамаша и бывала въ большихъ городахъ и видывала лакеевъ и швейцаровъ, чрезвычайно смахиваю-

щихъ на статскихъ совѣтниковъ, но, увидѣвъ въ своей собственной передней важную фигуру „Надежнаго“, онъ же Йонсонъ,—совершенно расгирялся. Вѣжливо раскланившись, она протянула ему руку и сказала: „добрая пожаловать, господинъ Йонсонъ, т. е. Йонсонъ, хотѣла я сказать. Даѣ Богъ, чтобы вамъ понравилось въ нашемъ простомъ дому... Кх..кх.. т. е. нашемъ дому.“

Чрезвычайно благодаренъ, сударыня! Узнавъ, въ чѣмъ состоять мои обязанности, я...

— Конечно, конечно... да... мы, т. е. мужъ мой и я, вовсе не требовательны. Ваша комната.

— Мамаша, мамаша! это фрѣйленъ Луиза звала мать и такъ дергала ее за платье, что той ничего не оставалось дѣлать, какъ пойти вслѣдъ за ней въ столовую.

— Право же, невозможно, мамаша, помѣстить его въ коморкѣ около конторы. Надо отдать ему комнату рядомъ съ папиной.

— Я тоже думаю. Я и не воображала, что онъ будетъ такой важный. Ты слышала, онъ сказалъ „сударыня“. Если бы это знали Педерхайнъ и Вальдберги,—да они лопнули бы отъ зависти!

Фрѣйленъ Эмми и даже сама папаша чуть не опѣшили при видѣ почтенной фигуры Йонсона. Единственно, кто остался невозмутимъ—это Бергманъ-юніор: онъ былъ истиннымъ сыномъ своего вѣка и ничто не могло его поразить.

— Воинъ тѣ бочки надо сегодня же до обѣда скатить въ складъ,—коротко и ясно приказалъ онъ Йонсону, проходившему мимо дверей конторы.

— Какъ прикажете, господинъ коммерсантъ!—отвѣтилъ Йонсонъ и почтительно снялъ шляпу.

Черезъ часъ онъ опять явился.

— Г. коммерсантъ!

— Что нужно?

— Бочки на мѣстѣ.

— Хорошо.

— Человѣкъ, который докатилъ ихъ до склада, требуетъ тридцать оре.

Какъ ни былъ самопадѣянъ Бергманъ-юніор, но тутъ и онъ смущился. Съ удивлѣнiemъ взглянулъ онъ на лакея и отца и молча подалъ ему двѣ монеты въ двадцать и десять оре.

— Очень благодаренъ, господинъ коммерсантъ!

Когда наступилъ торжественный моментъ идти къ обѣду, который по случаю важнаго события вмѣсто двухъ часовъ былъ назначенъ въ половинѣ четвертаго, вся семья собралась въ смежной со столовой гостиною.

Дѣти, ступайте къ себѣ наверхъ, а ты, Йоганнъ, спустись въ контору: Йонсонъ пойдетъ вамъ докладывать, что обѣдъ поданъ.

— Но, мамочка, развѣ намъ нельзя саимъ отпраздновать въ столовую.

— Я голоденъ, какъ волкъ!—жалобно взмолился отецъ.

— Помилосердуй, Йоганнъ! развѣ ты платишь ежегодно 400 кронъ заѣмъ, чтобы самому, какъ какому-нибудь сапожнику, по часамъ идти къ столу?

Вернувшись изъ комнаты барышенъ, Йонсонъ съ поклономъ доложилъ: „Барышни еще не одѣвались, сударыня“.

— Развѣ вы дѣлали холодное обтирание, дѣти?—спросила мать, когда минуту спустя дѣвушки появились въ столовой.

— Что? Почему ты спрашиваешь?

— Да вотъ Йонсонъ сказалъ... гмъ...—госпожѣ Бергманъ вдругъ сѣдалось все яснѣмъ: Йонсонъ привыкъ, чтобы дамы переодѣвались къ столу. Она чутъ не сгорѣла отъ стыда.

И вотъ всѣ они сидѣли за столомъ, глядѣли друга на друга, но не рѣшились обмѣниться хоть словечкомъ. Казалось, надѣ этой маленькой и въ обыденное время столъ счастливой семьей тяготѣло графское свидѣтельство Йонсона за 11-ти-лѣтнюю безупречную службу и придавило ихъ всѣхъ. Всѣ боялись сѣдѣть глупость.

— Прошу извиненія, сударыня, я еще не получалъ ключа отъ винного подвала. Можеть быть, прикажете горничной подать вино.

Хозяйка позвонила. Больше всего ей хотѣлось провалиться сквозь землю.

— Подай краснаго вина, Христина.

— Обѣ, что ли, бутылки или одну?

Госпожа Бергманъ чуть не расплакалась. Йонсонъ разлилъ вино съ выражениемъ такого страданія, какъ будто разливалъ свою собственную кровь.

— Покорнѣйше пропути извинить, сударыня, сегодня температура вина подвалъная. Это никогда больше не повторится.

Да, хорошо онъ служилъ за столомъ. Только что покончили съ пирожными и десертомъ, какъ Йонсонъ поставилъ передъ каждымъ изъ господъ Бергманъ зажженную свѣчу.

— Какъ ты думаешь, мама, зачѣмъ это?—съ благоговѣніемъ прошептала Эмми.

— Право, дитя, не знаю.

— Должно-быть, это для папирося,—прощептала Бергманъ-юніор, который изъ всей семьи больше всѣхъ видѣлъ на свѣтѣ. Къ счастью, у папаши въ комнатѣ нашлись и папирося, а то оять принилось бы краснѣть.

Когда господа поднялись изъ-за стола, Йонсонъ беззвучно распахнулъ обѣ половинки дверей въ гостиную, а самъ почтительно отошелъ къ запасному столу, гдѣ, подобно лошади на парадѣ, тотчасъ-же всталь на позицію.

Всѣ чувствовали, что онъ чего-то ждетъ отъ нихъ, по чѣмъ собственно?

Наконецъ, папаша вѣжливо подалъ руку мамашѣ и торжественно повелъ ее въ гостиную, внутренно лѣстя себя надеждой, что именно этого и ожидалъ отъ него Йонсонъ.

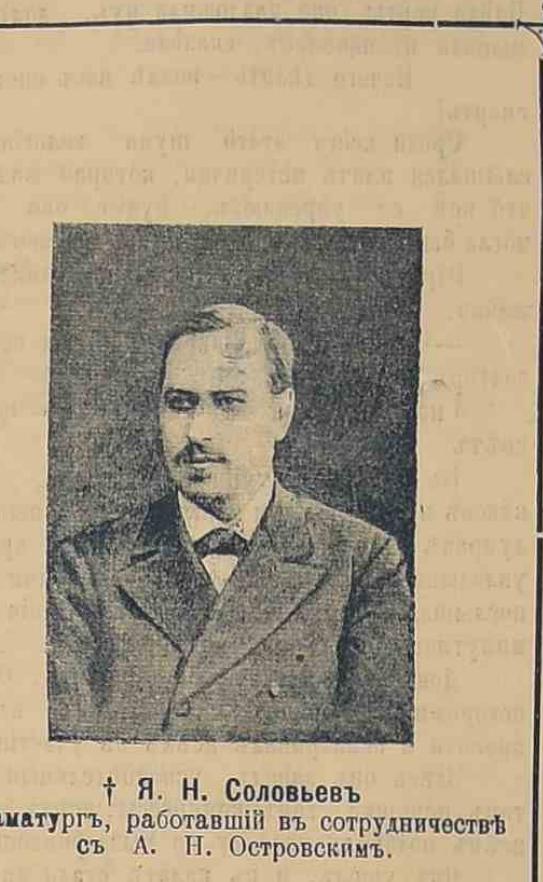
Послѣ кофе папаша созвалъ гостей поиграть въ карты, всѣ на два стола, а то въ Страндгольмѣ нельзя было набрать больше людей, прилично умѣющихъ себя держать въ обществѣ.

— Вы хотите насть познакомить съ своимъ будущимъ родственникомъ?—спрашивали всѣ хозяева.

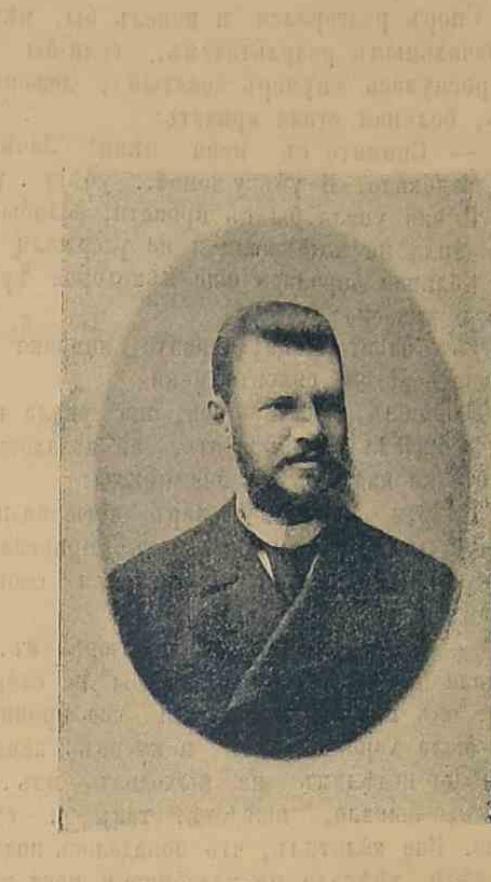
Въ гостиной никакого родственника не оказалось, но черезъ открытую

А. В. Лопатинъ,
предѣдатель 1-го гражд. департамента одесской
судебной палаты. (По поводу 35-ти-лѣтней службы).

† Я. Н. Соловьевъ
драматургъ, работавшій въ сотрудничествѣ
съ А. Н. Островскимъ.

О. Ф. Кукурановъ,
назначенный прокуроромъ
окружнаго суда.

Офицеры иностранныхъ отрядовъ на о. Критѣ.

Споръ разгорался и повель бы, вѣроятно, къ печальнымъ результатамъ, если бы вдругъ не проснулась «нумеръ десятый», лежавшая въ тифѣ; больна стала кричать:

— Снимите съ меня цѣпи! Зачѣмъ вы меня заковали? Я уѣху домой... уѣху... уѣху...

И она упала бы съ кровати, еслибы Флорка и Миля не подѣжали и не удержали ее.

Больная боролась еще нѣкоторое время съ ними и вричала:

— Спасите меня, спасите, мамочка милая, папочка дорогой, спасите меня

Наконецъ, измучинившись, она упала на кровать и начала тихо бредить, ей казалось, что съ потолка падаютъ на нее цветы.

Въ это время «нумеръ четырнадцатый», которую два часа тому назадъ привезли изъ арестного дома, начала жаловаться своимъ соѣдникамъ.

— Не валилась бы я по тюрьмамъ, и не умирала бы въ больницѣ, еслибы не отецъ пьяница; очь пилъ... пилъ... и все прошилъ. У насъ была хороня хата и кусокъ земли, но отецъ по недѣльямъ не выходилъ изъ щинки, а какъ, бывало, выйдетъ, такъ и смотрѣть тошно. Все коготь, что попадалось подъ руку, мы, дѣти, уѣгали на кладбище, какъ кролики, питались одиничными щавелемъ и только когда очь снова уходилъ въ щинки, мать находила насъ и брала домой.

Въ это время послышалась изъ угла тихій голосъ дѣвушки; эту болѣющую всѣ любили, она страдала «серезно болѣзнь».

— Миѣ вовсе не интересна и ты, и твой папа отецъ, пусть лучше «нумеръ пятнадцатый» загадку скажетъ.

— Да, да, пожалуйста,— отозвалось нѣсколько голосовъ.

А «нумеръ пятнадцатый» давно уже сидѣла на кровати и, очевидно, только ожидала приглашенія. Она важно начала:

Сверху спѣгъ,
Випаз доѣдъ,
Музика за дверьми,
Прители не всѣ,
Лѣсь въ руки.

Загадка понравилась всѣмъ, но показалась слишкомъ таинственной.

Дѣвушка, желавшія услышать загадку, даже перекрестьлась, а кто то прошепталъ:

— О Господи! что же это можетъ быть?

— Угадайте сами.

Большинство больныхъ рѣшили:

— Зима. Это можетъ быть только зима.

Но «нумеръ пятнадцатый» упрямо повторила:

— Нѣтъ и нѣтъ!

Вдругъ изъ-подъ «восемнадцатаго нумера» поднялась какая-то тѣнь человѣка, кашляющая, со впавшей грудью; она съ трудомъ дотащилась до 12-го нумера и начала умолять:

— Погадайте миѣ еще разъ, еще только одинъ разъ...

Но «нумеръ двѣнадцатый» закричала:

— Что я вамъ буду вѣчно гадать, когда при васъ всегда стоитъ смерть!

— Боже мой! Да не говорите вы такъ! Что же мои дѣти станутъ дѣлать, когда я умру; чѣть, еще одинъ, единственный разъ заглянутъ въ карты...

И она достала изъ-подъ грязнаго платка кусокъ булки, чтобы задобрить несговорчивую гадалку.

«Нумеръ двѣнадцатый» послѣ тѣжкой болѣзни чувствовала сильный аппетитъ, но должна была сблюдать строгую диѣту, поэтому она схватила булку и стала искать карты.

Найдя карты, она разложила ихъ, долго раздумывала и, наконецъ, сказала:

— Нечего дѣлать — возьмѣ вѣсъ снова стоить смерти!

Среди всего этого шума голосъ ясно слышалась плачь истерички, которая жаловалась, что всѣ ее упрекаютъ, будто она здорова, могла бы работать и не занимать чужого места.

Вдругъ на порогъ, зашахань, явилась служанка.

— Тише! спать! —крикнула она сердито: — докторъ идетъ.

Она подѣбѣжала къ лампѣ и притупила огнь.

Въ палатѣ наступила суматоха, какъ въ классѣ при появленіи учителя. Больны въ полумракѣ пробирались къ своимъ кроватямъ, укладывались и прикрывались одѣялами. Тотчас послышались вздохи и стоны. Страданія, послѣ послышались вдохіи и стоны.

Пресѣдовъ Жозефину вернуть ее въ свой домъ или мстить ей, обращаться къ полиціи — ему и въ голову не приходило. Очь былъ тѣль робокъ и жизни была для него чѣмъ-то такимъ чуджымъ, что онъ боялся всего, что шѣмъ хотѣлъ мажайшее подобие рѣшительного шага. Его бросили —значить, онъ долженъ остаться одинъ. Завязывать интрижки съ другими женщинами, или требовать развода, чтобы имѣть возможность вступить въ другой бракъ, —все это было выше его силъ. Очь какъ-то весь притаялся въ своемъ горѣ и одиночествѣ, а къ концу года онъ даже уже и зла болѣе не питалъ къ своей вѣроломной женѣ.

Что она действительно ушла, ушла навсегда, что это неопровергнутий фактъ, —онъ опасно забѣжалъ. Дурной уходъ служанки, вѣзвшей въ свои руки вѣденіе выбившагося изъ коленъ его домашнаго хозяйства, далъ ему вполнѣ почтвовать, какъ она нужна ему —его маленькая, бѣлокурая, невзрачная женушка.

Поправлялся очь медленно. Выздоровѣвъ, онъ снова зажилъ своей обычной жизнью. Очь обѣдалъ, гулялъ, исполнялъ всѣ мелочи обыденной жизни и не чувствовалъ особенныхъ мученій при мысли о случившемся съ нимъ. Ему только казалось, что въ жизни его вполнѣ что-то иррачина, печальное, придававшее ей болѣе темную окраску, чѣмъ прежде.

Пресѣдовъ Жозефину вернуть ее въ свой домъ или мстить ей, обращаться къ полиціи — ему и въ голову не приходило. Очь былъ тѣль робокъ и жизни была для него чѣмъ-то такимъ чуджымъ, что онъ боялся всего, что шѣмъ хотѣлъ мажайшее подобие рѣшительного шага. Его бросили —значить, онъ долженъ остаться одинъ. Завязывать интрижки съ другими женщинами, или требовать развода, чтобы имѣть возможность вступить въ другой бракъ, —все это было выше его силъ. Очь какъ-то весь притаялся въ своемъ горѣ и одиночествѣ, а къ концу года онъ даже уже и зла болѣе не питалъ къ своей вѣроломной женѣ.

Онъ шелъ — значитъ, онъ долженъ остаться одинъ. Завязывать интрижки съ другими женщинами, или требовать развода, чтобы имѣть возможность вступить въ другой бракъ, —все это было выше его силъ. Очь какъ-то весь притаялся въ своемъ горѣ и одиночествѣ, а къ концу года онъ даже уже и зла болѣе не питалъ къ своей вѣроломной женѣ.

Приблизительно мѣсяцемъ послѣ объѣтства Жозефина онъ ее снова увидѣлъ. Но узнать онъ ее не сразу: очь глазамъ своимъ не вѣрилъ. Это было на исходѣ іюня. Пообѣдавъ въ маленькому ресторатору, онъ отправился оттуда въ кафе-шантанъ. Разсѣянно прислушиваясь къ беззмысленному пѣнью шансонетокъ, онъ вдругъ замѣтилъ свою жену въ клоуновой ложѣ, шагахъ въ десяти отъ его кресла. Въ той же ложѣ сидѣла еще какая-то дама, сильно разраженная, плавно манила въ безукоризненныхъ галстукахъ и съ цветами въ петличкахъ.

Онъ замѣтилъ ее, и съ той минуты онъ уже ничего, кроме нея, не видѣлъ.

Какъ она измѣнилась за это короткое время.

Общій усилія портного, модистки, парикмахера, всѣхъ этихъ женской красоты мастеровъ, привели къ тому, что маленькая, невзрачная, плахо одѣтая

женщина превратилась въ совершеншо новое существо.

Онъ превратилъ ее въ пикантную, изящную ламочку, въ одну изъ тѣхъ грациозныхъ фарфоровыхъ фигурокъ, которая, повидимому, только созданы, что для удовольствій, какъ, предметъ роскоши. Такія бѣглости фигуры можно въ Парижѣ смотрѣть каждый вечеръ на улицахъ. Но Жану казалось, что она единственная въ своемъ родѣ; въ своей обыденной жизни онъ, вѣдь, никогда не осмѣшивался

глазъ поднять на эти драгоценныя маленькие куколки, предназначенные для развлечений богатыхъ людей.

Теперь онъ долго смотрѣлъ на нее, прилагая все свое вниманіе, стараясь найти черты своей прежней Жозефины подъ этой художественно исполненной маской.

Нѣкоторые, хорошо ему знакомые жесты, какъ, напримеръ, манера клести руку на бархатѣ ложи, подергивать лѣваго угла рта во время разговора, дѣйствительно, напоминали ему на одно мгновеніе его прежнюю Жозефину.

Во время этихъ наблюдений Жанъ не испытывалъ ни малѣйшей душевной боли. Даже ревность не просыпалась въ немъ.

Этотъ господинъ съ гвоздикой въ петличкѣ, вѣроятно, «ст. пено» —, подумалъ онъ, потому что равнодушно, словно рѣчь шла не объ его собственности, а о чужой женѣ.

Нѣтъ, это была не ревность, —это было лишь чувство глубокаго изумленія и какого-то

ВѢЧЕРЪ ВЪ КЛИНИКѢ.

(Съ полѣскато).

Низведенный до роли простыхъ «шумеровъ», больны лежали на узкихъ желѣзныхъ кроватяхъ, прикрытыхъ полынными одѣялами, испущенными тяжелыми стонами отъ боли и страданій.

Городскіе часы звонили семь, когда въ палатѣ вѣжала служанка и объявила радостную новость, что докторъ поспѣлъ ужинать. Черезъ минуту, накинувъ на плечи плащъ, она ушла, чтобы воспользоваться свободной минутой.

Въ палатѣ сразу все оживились, какъ будто въ классѣ послѣ ухода учителя.

«Нумеръ пятнадцатый» — пацнга близкая къ смерти, сняла съ шеи черные костяные четки и, довѣривъ, что теперь ей никто не помѣшаетъ, начала грустно шептать молитву.

Дѣвъ младенецъ выздоравливала, бывшая наканунѣ выхода изъ больницы, какъ на электризованныхъ, вскочила съ кроватей, набросилась на себя юбки, всунула ноги въ туфли. Одна изъ нихъ, Флорка, очень хорошенъкая швейка, стала вытаскивать изъ-подъ подушки всевозможные предметы, какъ фокусники изъ цилиндра: гребешки, пиджакъ, зеркальце, коробку конфетъ, щипцы для волосъ, корсетъ и «Грехъ мушкетеровъ».

Другая, общественное положеніе которой

было неизвѣстно, но которая, очевидно, считала себя выше швейки и только отъ скучи дружилъ съ нею, вынула изъ-подъ туфлику «бокъ-бѣръ».

Понапа смѣхъ, шутки, веселые разговоры, начали быть конфекты, пить пиво...

— Помѣрѣто на мой корсетъ, пачка Миля, —презрѣла вѣдь Флорка: я уѣждена, что она будетъ на васъ тѣснѣ.

Дѣвушка, дѣйствительно не обладавшая тонкимъ таліемъ, была страшно оскорблена такой пасмуркой.

— Что? Вашъ корсетъ на меня тѣснѣ? — спросила она измѣненнымъ отъ злости голосомъ: — посмотрѣмъ, вы меня только хорошенъко затѣните.

Флорка засмѣялась, да такъ затѣнила, что лопнула застѣжка.

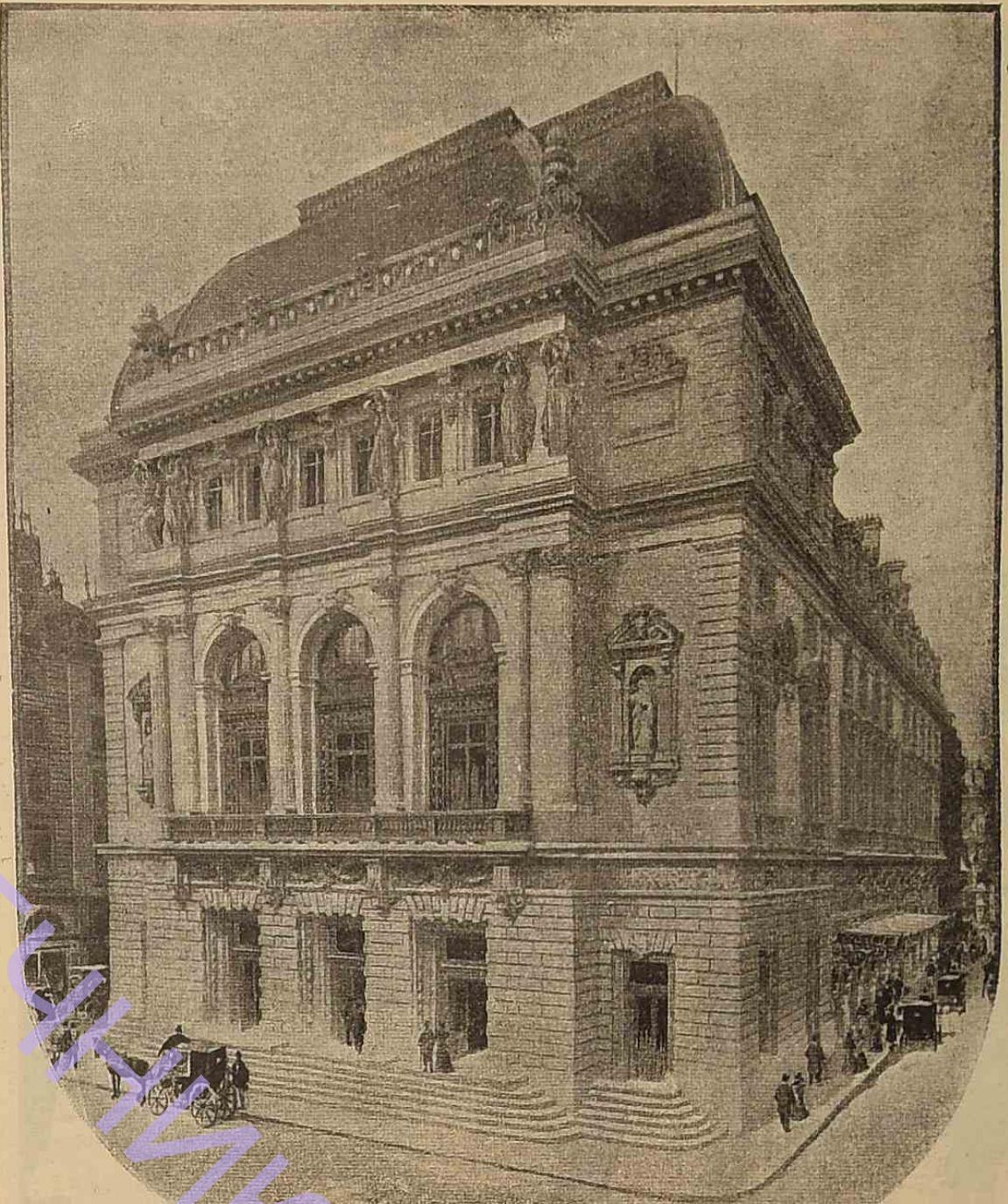
— Чуда у васъ талия! —вскричала разсерженная Флорка: — вы должны заплатить миѣ сейчасъ за застѣжки.

— И не думаю!. . Это вы сами вздумали примѣрку... это мы затѣживали.. .

— Хорошо, хорошо, завтра, истрѣблю скажу профессору, что вы, вѣдь ужина, пьете пиво, хотя вамъ это запрещено.

— А я скажу, что вашъ студентъ носитъ конфеты.

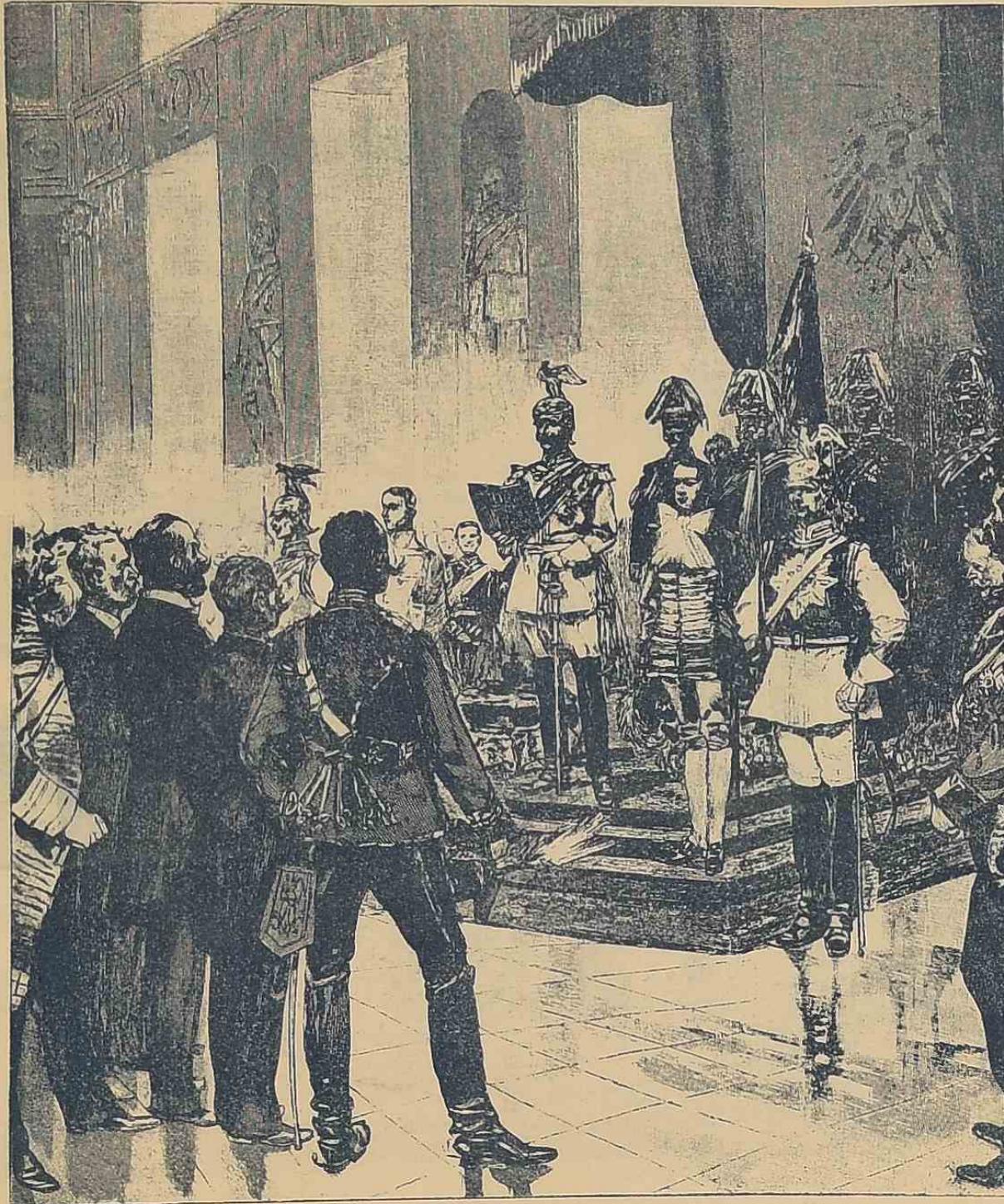
— А студентъ ихъ покупаетъ на профессорскія деньги, что ли?

Новое зданіе Комеди-Франсѣ въ Парижѣ.

Усыпальница русскихъ воиновъ, павшихъ въ турецкую кампанию 1877—78 гг., освященная 6-го декабря 1893 г. въ окрестностяхъ Санть-Степано въ присутствіи Великаго Князя Николая Николаевича.

Берлин.—Торжественное открытие германского рейхстага императоромъ Вильгельмомъ.

Генералъ отъ-инфanterіи В. Д. Скалонъ,
командиръ 8-го армейскаго корпуса.

Францъ фонъ-Баллестрѣмъ, президентъ.
А. Фрерѣ, 1-й вице-през.
Р. Эльберфельдъ, 2-й вице-пр.
Президенты германскаго рейхстага.

тревожного любопытства, чувство въ родѣ того, какое должна испытывать молоденькая провинциальная девушкина, когда ея возлюбленный въ одинъ прекрасный день возвращается къ ней изъ Парижа знаменитостью. Какъ? Въ этомъ жалкомъ обличии женщины действительна танцла богатый материалъ, изъ котораго въ какихънибудь 15 мѣсяцѣвъ возможно было сбрасывать саму отборную кокотку! Тогда, когда она знала еще у него и сплела по компактамъ въ грязныхъ туфляхъ, въ поношенномъ, плохосидящемъ платьѣ, оно за что-бы этому не покричать. А этотъ молодой человѣкъ съ гвоздикой, наклонившись наѣтъ ей, кажется, влюбленъ въ нее поупши; оно, повидимому, пытаетъ страстью къ фальшивому золоту съ локономъ, къ синевѣ, къ каждой частичкѣ ея тѣла, скрытаго подъ корсетомъ и широкимъ платьемъ.

Вѣдь тогдѣ, другой, получила только то, что я ему оставилъ, — думалъ оно и безъ устали любовался своей женой до самого конца спектакля. Она его не узнала, вѣрою, даже не замѣтила: съ какой стати ей, въ самомъ дѣлѣ, удостоинъ взгляда его вынужденный жакетъ, затерянный среди массы элегантныхъ свѣтлыхъ пальто и фраковъ?

Не задумываясь ни на минуту, оно послѣдовало за ней, когда она подъ руку со своимъ провожатымъ выходила изъ театра. Потомъ оно видѣло, какъ она стоя съ цѣмъ въ красивый элегантный экипажъ, запряженный парой сѣрыхъ коней... Лошади тронули, въ экипажѣ учащалась быстрой рѣско.

На слѣдующій день оно опять подстерегло ее въ тотъ часъ, когда «она» обыкновенноѣ ъѣзжала въ рошшу. Оно сразу увидалъ сѣрыхъ коней и маленький голубой экипажъ. Жозефинѣ ъѣхала такъ медленно, что оно долго могло поспѣшивать за ней пѣшикомъ. Потомъ она вышла изъ коляски и прошлась немножко по тротуару. Оно послѣдніе сѣрѣла за кусты, боясь, какъ-бы она его не узнала.

Но потомъ, когда она остановилась у водопада, чтобы выпить стаканъ молока, оно улучшило разбушую минуту, заняла разговоръ со слѣдовавшимъ за ней на почтительномъ разстояніи служащимъ. Такимъ путемъ Гросманъ быстро и съ уѣтроподобноѣ движется впередъ; даже самая высокая волна, вызванная, напримеръ, движениемъ быстро проходящаго парохода, не можетъ помѣшать ему. Оригинально то, что когда водоходъ приостанавливаетъ свое движение и останавливается въ водѣ, она погружается въ

воду больше чѣмъ другая, приблизительно до колѣнъ, въ то время какъ при движении нога погружается въ воду только до щиколотки. Благодаря этимъ башмакамъ, человѣкъ можетъ не только лнгаться, но и долго оставаться на водѣ. Въ послѣдніе слушаю оно не имѣть уже нужды въ веслахъ и можетъ, оставшись на водѣ, пить, есть, курить.

Оно отѣвчается съ довольной и таинственной улыбкой:

— И ее когда-то зналъ, даже иногда очень близко зналъ!..

Хожденіе по водѣ.

Берлинская публика въ послѣднее время сильно заинтересована личностью Отто Гросманна, оригинального изобрѣтателя, которому удалось осуществить на практикѣ идею хождения по водѣ. Опыты, произведенныя имъ недавно, въ Берлинѣ, свидѣтельствуютъ о практической пригодности его изобрѣтенія, и въ настѣащее время Гросманъ предполагаетъ исходить изъ себѣ привилегию на это изобрѣтеніе, которое можетъ оказаться весьма полезнымъ и для военныхъ цѣлей.

Для хожденія по водѣ Гросманъ изобрѣлъ водяные ботинки, представляющіе собой дѣлъ замкнутыя цинковые трубы длиной около 7 метровъ и въ диаметрѣ около 15 сантиметровъ. На щипѣнѣ части пхъ находятся по пяти способами разныxъ кларапановъ, которые при движении по водѣ направляются внизъ и затѣмъ прилагаютъ съ правой стороны къ башмаку, между тѣмъ какъ кларапаны другого башмака, находящіеся въ покѣ, остаются въ вертикальномъ положеніи и такимъ путемъ сами создаютъ изъѣстое сопротивленіе въ водѣ. Ноги водохода находятся на верхней части башмака на простой подошвѣ и прикрываются ремнями. При движении водоходъ опирается на воротокъ весла, которымъ оно пользуется при помощи различныхъ прѣемовъ. Такимъ путемъ Гросманъ быстро и съ уѣтроподобноѣ движется впередъ; даже самая высокая волна, вызванная, напримеръ, движениемъ быстро проходящаго парохода, не можетъ помѣшать ему. Оригинально то, что когда водоходъ приостанавливаетъ свое движение и останавливается въ водѣ, она погружается въ

Медаль въ честь Левинскаго.

Извѣстный артистъ вѣнскаго Бургъ-театра Йозефъ Левинскій праздновалъ въ матъ мысль с. г. 40-лѣтній юбилей своей артистической деятельности. По этому поводу друзья потѣтатели артиста рѣшили теперь преподнести ему большую медаль въ память о юбилѣ. На лицевой сторонѣ медали изображена характеристика головы чествуемаго артиста и рядомъ съ ней имя, фамилія и возрастъ юбиляра. На обратной сторонѣ медали Левинскій изображенъ въ костюмѣ Франца Мора, который считается лучшей его ролью. Художникъ избралъ при этомъ лучшій моментъ «Разбойниковъ» Шиллера, сцену четвертаго акта. Въ тревожномъ предчувствіи смерти Францъ Моръ съ искаженными чертами лица бросается на полъ, вѣспится пальцами въ кресло, и изъ рукъ выпадаетъ у него шпага и подсѣдничникъ. Медаль представляеть собой интересъ не только въ отношеніи къ чествуемому юбиляру, но и какъ прекрасное художественное произведеніе, дѣлающее честь ея автору.

ОВЫЙ ЛЕТАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТЪ.

Техники давно заняты мыслью объ устройствѣ летательнаго аппарата безъ употребленія шара. Летаніе по воздуху уже до тѣхъ поръ при помощи такихъ аппаратовъ; однако послѣдніе могутъ быть применены только въ томъ случаѣ, если лица, производящія спѣль, направляются съ

Опыты хожденія по водѣ.

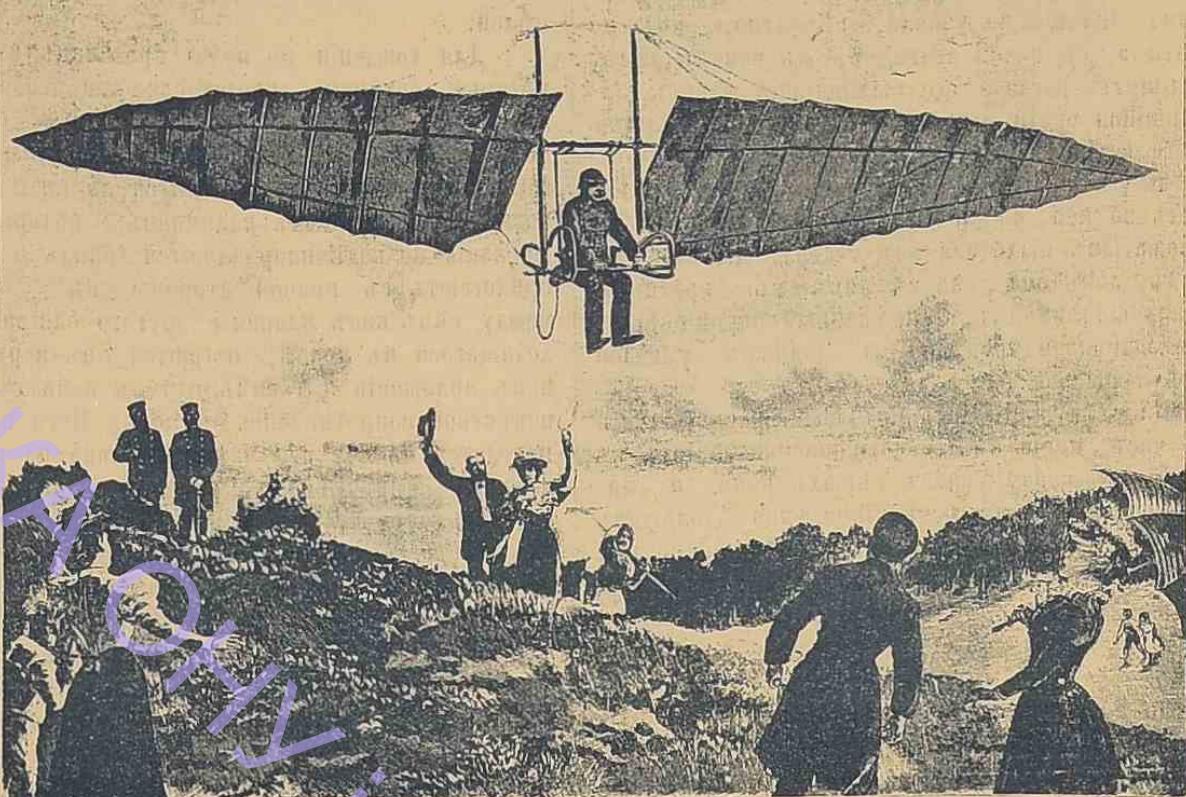
аппаратомъ къ вершинѣ какого нибудь холма и тамъ останавливаются. Послѣ этого аппарату легко уже подняться на большую высоту. Въ этомъ смыслѣ устроенъ новый аппаратъ Буттенштедта, который испытывается теперь въ Берлинѣ. Крылья аппарата во время летанья остаются совершенно плоскими и не сворачиваются. Буттенштедтъ утверждаетъ, что свернутыя крылья при быстромъ движении производить столь сильное давление на переднюю поверхность, что аппаратъ опрокидывается. Дѣйствительно, недавно погибъ изъ-за этого берлинскій инженеръ Лайленталь, известный воздухоплаватель.

Медаль въ честь артиста Левинского.

Артистка Е. А. Яблочкина
(по поводу 30 лѣтней сценической дѣятельности).

Новый летательный аппаратъ.

Братья Петрококино,

Одесса, Греческая ул., № 26, собствен. зданіе.

Редакторъ-издатель А. П. Старковъ.

Дозволено цензурою. Одесса, 12 го декабря 1898 г.
Типографія „Одесскихъ Новостей“, Екатерининская ул., д. Бубы.

Редакторъ Е. В. Васьковский.

ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ ФАЙНОВЫЕ, ФАРФОРОВЫЕ И ХРУСТАЛЬНЫЕ СТОЛОВЫЕ СЕРВИЗЫ И РАЗНАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОСУДА.

лучшихъ англійскихъ, французскихъ и пѣмецкихъ фабрикъ.
Произведенія русскихъ фабрикъ: ГАРДНЕРЪ въ Москвѣ, товар. М. С. КУЗНЕЦОВА
въ Твери, Харьковѣ и Ригѣ, А. К. ЕССЕНЬ въ Ригѣ, продаются по ФАБРИЧНЫМЪ
ПРЕИСС-КУРАНТАМЪ.

БОЛЬШАЯ ПРЕДПРАЗДНИЧНАЯ ВЫСТАВКА разнообразныхъ изящныхъ и полезныхъ предметовъ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ изъ фарфора, фаянса, терракоты, маіолики, бронзы, хрустала и проч.